

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Ирина Воскресенская

ТАЙНЫ РОССИЙСКОГО ПРЕСТОЛА

**ФАВОРИТКИ
И ИХ СУДЬБЫ**

Ирина Васильевна Воскресенская

Тайны российского престола.

Фаворитки и их судьбы

Серия «Русская история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48631435

*Тайны российского престола. Фаворитки и их судьбы / Ирина
Воскресенская: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8043-0*

Аннотация

Перед вами, дорогой читатель, книга, посвящённая фаворитизму в высших сферах государственной власти России. В ней рассказывается о фаворитках-подругах российских государынь, а также о фаворитках и любовницах российских государей. Автор не уделял особого внимания альковным отношениям монархов, а ставил своей целью найти ответ на ряд важнейших вопросов: какие люди и почему становились любимцами властителей России? Каким образом им удавалось оказаться у престола? Как они проявляли себя в исторических условиях, кто из них и какое влияние имел на политику государства, на его экономику, какой вклад внес в развитие страны или в защиту её от внешних врагов? И наконец: как фавориты и фаворитки влияли на культурное развитие России

и чем фаворитизм при российском престоле отличался от фаворитизма при королевских дворах Западной Европы?

Книга издана в авторской редакции.

Содержание

Выражаю благодарность	6
Предисловие	7
Что такое фаворитизм?	12
Что можно назвать фаворитизмом у престола?	15
Фаворитки великих княгинь и императриц	33
Аграфена Фёдоровна Челяднина – наперсница великой княгини Елены Глинской	33
Матрёна (Модеста) Монс (Балк) – фаворитка- наперсница Екатерины I	41
Юлия Менгден – фаворитка правительницы Анны Леопольдовны	46
Фаворитка императрицы Елизаветы Петровны – графиня Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева	57
Фаворитки императрицы Екатерины II	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ирина Васильевна Воскресенская Тайны российского престола. Фаворитки и их судьбы

© Воскресенская И.В., наследники, 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия,
2019

*Светлой памяти сына моего,
Никиты Воскресенского,
посвящается*

Выражаю благодарность

Свитич Луизе Григорьевне, доктору филологических наук, старшему научному сотруднику факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессору Института международной экономики и права им. А.С. Грибоедова, и

Савинской Луизе Петровне, члену Союза журналистов России, члену Международного союза Славянских журналистов, члену Союза писателей Москвы, члену Союза театральных деятелей России, Президенту РОО «Женский клуб „Москвички“» за ценные предложения и критические замечания, которые помогли созданию книги.

*Нет ничего сокровенного, что не открылось бы,
и тайного, чего не узнали бы.
(Лк. 12:2)*

Предисловие

Перед вами, дорогой читатель, книга «Фаворитки у российского престола»¹, посвящённая фаворитизму в высших сферах государственной власти России. Это одна из книг труда из трёх частей под общим названием «Фавориты и фаворитки у престолов России и стран Западной Европы (Франции, Англии, Шотландии, Испании и Дании)».

В книге «Фаворитки у российского престола» рассказывается о фаворитках – подругах российских государынь и фаворитках и любовницах российских государей, то есть о близких к престолу лицах, которые играли не последнюю роль в истории монархической России с XVI до начала XX века.

Следующая часть труда – «Фавориты у российского престола» – посвящена фаворитам – любовникам российских государынь и фаворитам – друзьям и соратникам российских государей, то есть тем лицам, которые также нашли своё отражение в зеркале русской истории в тот же временной период.

В третьей книге – «Фавориты и фаворитки у престолов стран Западной Европы» – говорится о наиболее ярких и значимых фаворитах и фаворитках государей и государынь

---

¹ Оригинальное название данной книги. – *Примеч. ред.*

Франции, Англии, Шотландии, Испании и Дании в тот же исторический период.

Каждая из частей труда является самостоятельной книгой, так что названия «первая книга», «вторая» и «третья» чисто условные: здесь нет хронологического построения от первой части до третьей, в каждой книге речь идёт об одном и том же времени с XV до начала XX века. Однако все три книги объединены общим замыслом, общей концепцией, идентичным композиционным построением и общей идеей включения в повествование хронологически соответствующих ссылок на происходящие события: в российской части – из жизни западноевропейских стран, а в западноевропейской – из жизни России.

Для того чтобы читатель, который по тем или иным причинам сумел ознакомиться только с одной книгой из трёх, мог иметь представление о концепции, целях, задачах и выводах автора от сравнения фаворитизма в Европе и России, каждая книга содержит статью о фаворитизме как особом явлении в странах феодализма; указание на цели и задачи, поставленные автором, и в послесловии – выводы, сделанные на основе указанного выше сравнения. У тех читателей, которые ознакомились с двумя или всеми тремя книгами, это может вызвать впечатление повторов. Однако при вдумчивом и внимательном прочтении это впечатление стирается, так как каждый из этих, казалось бы, одинаковых текстов имеет небольшие, но существенные различия.

В предлагаемой читателю серии книг под общим названием «Фавориты и фаворитки у престолов России и стран Западной Европы» автор не уделял главного внимания альковным отношениям монархов России и Западной Европы с фаворитами и фаворитками, а ставил своей целью – выяснить, какие люди и почему становились любимцами властителей России и (для сравнения) стран Западной Европы (Франции, Англии, Шотландии, Испании и Дании), каким образом им удавалось оказаться у престола, как они проявляли себя в исторических условиях, кто из них и какое влияние имел на политику государства, на его экономику, какой вклад внес в развитие страны или в защиту её от внешних врагов? И наконец, как фавориты и фаворитки влияли на культурное развитие России и Западной Европы и чем фаворитизм при российском престоле отличался от фаворитизма при королевских дворах Западной Европы?

Последний вопрос и заставил автора проследить судьбы наиболее значимых фавориток и фаворитов не только у престола России, но и при королевских дворах в Западной Европе.

Итак, обратим своё внимание, в соответствии с темой данной книги, на фавориток у престола России.

Фаворитки российских царей и императоров кардинально отличались от фавориток правительниц и императриц. Фаворитки государынь – это в основном подружки-наперсницы, помощницы в интимных делах государынь, хотя среди них

бывали и такие, кому поручались дела, имеющие важное значение для политики и культуры государства. Фаворитки российских государей – это прежде всего любовницы, поэтому им не поручались дела государственного значения, хотя при дворе они тайно (как секрет Полишинеля) имели определённую значимость и, несомненно, влияли на замещение важных (и прибыльных) государственных постов.

Ввиду различий между фаворитками государынь и государей, эта книга имеет две главы: в первой главе ведётся рассказ о фаворитках императриц и российских правительниц, а во второй – о фаворитках российских царей и императоров.

Такое построение книги: сначала фаворитки государынь, а затем государей – объясняется всего лишь правилом пропускать женщин вперёд.

И в первой, и во второй главах рассказывается о судьбах фавориток государынь и государей, об их общественном значении, их связях со знаменитыми родами России и знаменитостями Европы, их влиянии на ход истории, их отличии от фавориток у престолов западноевропейских стран. И о том, как становились они фаворитками российских правительниц, царей, императриц и императоров. Был ли это Его Величество Случай или какие-то другие обстоятельства?

Фаворитки, появившиеся у Государынь и Государей благодаря случаю или не случайно, не могли бы оказаться на самом верху власти и вести свою политику, если бы при ко-

ролевских и императорских дворах Европы и России не расцветал бы пышным цветом **фаворитизм** как государственная идеология и придворная мораль. А потому прежде, чем мы начнём рассказ о первой фаворитке при Государевом дворе, фаворитке правительницы Елены Васильевны Глинской, считаем необходимым ответить на вопрос:

Что такое фаворитизм?

В русском языке слово **ФАВОРИТИЗМ** произошло от французского слова *favoritisme*, образованного от латинского *favor* («благосклонность»); оно вошло в русский язык через польский (*fawor* – *w fawore*) во времена царя Петра I (М. Фасмер). Слово «фавор» и теперь употребляется в выражениях «быть в фаворе» (быть любимцем, получать выгоды и преимущества фаворита), «войти в фавор» (стать любимчиком, получить благосклонность, покровительство, протекцию влиятельного лица), «быть не в фаворе» (не иметь или лишиться покровительства высокопоставленного лица).

От того же латинского слова *favor* произошли и русские слова: сначала «фаворит» (в «Архиве» Куракина – 1710 г.), а затем «фаворитка» (в письмах Фонвизина – 1766 г.) (П.Я. Черных).

Иногда этимологию этих слов ведут от горы Фавор, связанной с земной жизнью Иисуса Христа. Такое представление, возможно, красиво, но неверно.

Все перечисленные выше слова-понятия употребляются не только в отношении высшей власти. Они имеют несколько значений. В современном русском языке они употребляются довольно часто, но в основном в значении переносном, чаще всего в контексте описания различных соревнований, например, «фаворит во время матча на футбольном или хоккей-

ном поле», «фаворит на беговой дорожке», даже в дерби – «фаворит среди лошадей, участвующих в забеге», а это значение «первенства», но не «благосклонности», хоть и имеет связь со словом «фавор».

Фаворитизм не является отличительной чертой именно высшей власти: он в той или иной степени проявляется во все времена и во всех сферах общения людей и установления между ними взаимоотношений, потому что он связан с общечеловеческим чувством благосклонности на основе любви, приязни, выделения одного или группы лиц, понравившихся как монарху, так и простому смертному – человеку невысокого ранга.

Фаворитизм в государственных учреждениях, где начальник выделяет фаворита или фаворитку и усердно благоволит такому человеку, постепенно подпадая под его влияние, как правило, наносит вред и служащим такого учреждения, и делу. Эту тему великолепно развил М.Е. Салтыков-Щедрин в серии очерков «Помпадуры и помпадурши», не случайно назвав «помпадурами» чиновников, получивших начальственное место в провинциальном городе благодаря фавору у высокого петербургского начальства, а заодно окрестив так и их любовниц-помпадурш, присвоив и тем и другим название, производное от имени мадам Помпадур, знаменитой фаворитки французского короля Людовика XV. На русском языке эти названия звучат особенно комично в связи с тем, что слово «помпа» в русском языке означает «торжествен-

ность, торжество, рассчитанное на внешний эффект», но в сочетании с «дуры» и «дурши» представляет в сознании русского читателя как бы «торжество дураков».

Фаворитизм в высших сферах власти, на высоком государственном уровне, – явление особое, потому что затрагивает интересы не одного какого-либо учреждения, а всей страны. Поэтому в предлагаемой читателю серии книг внимание уделяется не «помпадурам и помпадуршам», а прежде всего – фаворитизму, процветавшему при королевских и императорских дворах, фаворитам и фавориткам государей и государынь великих европейских держав, а непосредственно в данной книге – России.

Что можно назвать фаворитизмом у престола?

Фаворитизмом у престола принято называть такое положение в государстве (в основном с режимом абсолютной монархии), когда жизнь всего общества обусловлена влиянием **фаворита** или **фаворитки** на государя или государыню, а следовательно, на все высшие сферы власти. Фавориты и фаворитки, пользуясь благосклонностью государя или государыни, влияли на политику страны, на ход важнейших событий, получали от своих покровителей высокие государственные чины и посты, а значит, оказывали влияние на государственное управление и развитие общества. Они получали также различные поощрения, награды и дорогостоящие подарки, особенно земли, поместья, замки за счёт государственной казны, тем самым разоряя государство и его народ. Благосклонность государей-покровителей предоставляла этим любимцам возможность, исходя из личных амбиций и не обращая внимания на интересы государства и его народа, вести свою политику, заполнять высокие государственные должности своими ставленниками (чаще всего небескорыстно, за взятки), преследовать соперников из числа государственных деятелей и расправляться с теми, кто не признавал их главенствующей роли или соперничал с ними в целях получения фавора. И в Европе, и в России на волне фа-

воритизма в высших сферах государственной власти становились историческими личностями, влиявшими на ход истории страны, всякого рода фавориты и фаворитки, основным достоинством которых были внешняя, наружная красота и, как мы теперь говорим, «отсутствие комплексов».

Однако фаворитизм – это не просто благосклонность монарха к отдельному понравившемуся ему лицу или к группе лиц, а потому покровительство, которое прежде всего выразалось в предоставлении фаворитам титулов, высоких должностей, орденов, различных выгод и привилегий. На самом деле – это социокультурное явление, имевшее свою идеологию низменной морали: наживы на любовных взаимоотношениях, использование своего положения при монархе для обогащения, для проведения политики не в интересах государства и его народа, а в своих личных интересах. Фаворитизм, существовавший в странах с режимом абсолютизма с XV до начала XX века при дворах монархов Западной Европы и России, которое несло свою мораль своекорыстия, обмана, взяточничества, казнокрадства, – это явление, при котором политика государства и жизнь общества были беззастенчиво подчинены желаниям и действиям фаворита или фаворитки.

Фавориты, которых в России не без основания называли также **временщиками**, получив высокие посты и власть, в основном более заботились о своих выгодах, чем об интересах государства, и уж совсем не о благосостоянии народа.

Попад в фавор, они сразу же попадали на арену жестокого соперничества и вынуждены были больше внимания обращать на борьбу за своё место у трона, за своё влияние на монарха, потому что именно это предоставляло им личное обогащение и большие преимущества. Потому они и получили наименование «временщики», что их власть и влияние были временными, зависящими от многих случайностей. А таких случайностей было немало. Например, перемена отношения покровителя к фавориту в результате оговора, ревности или не понравившегося поведения (но чаще – в связи с избранием другого фаворита), а также вследствие перемен на престоле: смерть государя, государственный переворот, бунт или восстание, возникновение правительственного или экономического кризиса. И всё это могло случиться неожиданно для власти имущих. Так что фавор имел для фаворита и обратную сторону. Случалось, что после непродолжительного фавора: власти, блеска, всеобщего поклонения, роскоши и богатства – фаворит-временщик мог быть удалён от двора или, что ещё хуже, объявлен государственным преступником, и тогда жизнь его могла окончиться в опале, в ссылке, в тюрьме, а то и на плахе.

Однако фаворитизм как явление имел не только негативную, но и положительную сторону: на волне фаворитизма у престола появлялись и неординарные, талантливые фаворитки и фавориты, служившие на благо Отечества честно и неподкупно, не занимаясь взяточничеством и казнокрад-

ством, но порой даже вкладывая свои средства. Таковы были в России, например, фаворит Елизаветы Петровны И.И. Шувалов; фаворитки Екатерины II – Александра Браницкая и Екатерина Дашкова; фавориты Г.Г. Орлов и Г.А. Потёмкин; фавориты Александра I и Николая I – А.А. Аракчеев и М.М. Сперанский. История знает и такие примеры, когда фавориты и фаворитки продолжали служить делу, своей стране и после того, как любовные их взаимоотношения с монархом давно закончились и любовное ложе заняли уже другие лица (во Франции – маркиза де Помпадур, а в России – светлейший князь Г.А. Потёмкин), или после того, как императрица-благодетельница ушла в мир иной (И.И. Шувалов), или после того, как фавор был закончен, а сам бывший фаворит оказался в ссылке (М.М. Сперанский).

Считается, что фаворитизм у престола – это возвышение конкретного человека или даже группы лиц только на основе личной благосклонности монарха. Но такое определение фаворитизма, на наш взгляд, всё же носит несколько поверхностный характер. Причина фаворитизма у престола как явления значительно глубже. Монарх, приближая к себе любимца или любимицу, следовал не только чувственному призыву, он видел в нём опору своей власти. Через фаворитку или фаворита, благодаря благоволению монарха получавших власть и преимущества, а следовательно, и крепкие связи, позволявшие создавать кружки единомышленников и даже политические или религиозные партии, монарх окружал се-

бя верными людьми, способными, как ему казалось, поддерживать его в любое время и противостоять враждебным ему силам.

Занимая такое положение в государстве, некоторые фавориты и фаворитки оказывали большое влияние на жизнь общества: они возглавляли прогрессивное движение в стране, становились законодателями моды и модных направлений в культурной жизни общества, новых течений в искусстве, воздействуя на отношение монарха к его окружению, а главное – учреждая политические партии и формируя политику государства, как внутреннюю, так и внешнюю, а порой даже приобретая политическую значимость гораздо большую, чем имел сам монарх. Так, например, фаворитка французского короля Людовика XV – мадам Помпадур – со временем, уже не будучи любовницей короля, получила во Франции значение правительницы большее, чем имел сам король. Фаворит российских императоров Петра I и Екатерины I – Александр Данилович Меншиков – в царствование Екатерины I и первых лет правления Петра II фактически был правителем Российской империи. Последний фаворит уже постаревшей Екатерины II – Платон Зубов, лично возглавив самые ключевые посты в государстве, стал по сути властителем России; фаворит и фаворитка российских императора и императрицы Григорий Ефимович Распутин и Анна Александровна Вырубова (Танеева), имевшие огромное влияние на императрицу Александру Феодоровну, а через неё на императора

Николая II, по сути, вместе с царями стали править страной, назначая «своих» министров, притом получая за это деньги.

Фаворитизм, приносивший пользу и любовные утехы государю, пагубным образом мог сказаться на жизни государства, потому что фаворит, как уже говорилось выше, прежде всего думал о личных своих выгодах и, боясь потерять своё положение, окружал себя людьми, верными не столько монарху, сколько **ему самому**, людьми, вне зависимости от их способностей и верности своей отчизне, добиваясь для них доходных должностей и наград, чаще всего – вопреки интересам государства и общества.

Российский государственный деятель Н.И. Панин, выступая против фаворитизма, писал о царствовании российских императриц: «При Елизавете, как и при ее предшественниках, много значили „припадочные люди“, то есть фавориты: делами управляла „сила персон“». И далее: «Сей эпок заслуживает особое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотению припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах». Н.И. Панин очень метко подметил, что при фаворите (временщике) «всё было жертвовано **настоящему времени**», то есть без внимания к тому, что может оказаться в результате его деяний в будущем, потому что он **временщик** и будущее не могло входить в его интересы.

В 1762–1764 гг. Н.И. Панин представил Екатерине II проект об учреждении Императорского совета, в котором до-

казывал, что Совет особенно важен потому, что он даст возможность устранить влияние на управление Российской империей фаворитов, которых он называл «припадочными людьми», своекорыстными, властными и чуждыми интересам страны. Он считал, что фаворитизм порождает произвол, угодничество, казнокрадство и безнравственность. В этом проекте Н.И. Панин писал: «Государь, сколь бы он ни был талантлив, трудолюбив и проницателен, не в состоянии охватить все стороны управления страной. И ему постоянно должны помогать не случайные люди – фавориты, а постоянно действующее учреждение – Императорский совет из 6–8 членов, среди которых 4 статс-секретаря, которые бы ведали внешней и внутренней политикой, военными и морскими делами».

Говорят, что сначала Екатерина II согласилась с предложением Панина, даже составила список членов Совета и подписала манифест, но в последний момент задумалась и оборвала лист в том месте, где стояла её подпись. Конечно, она сослалась не на своё желание быть абсолютной монархиней и сохранить возможность иметь фаворитов, а на мнение генерал-фельдцейхмейстера Вильбуа, который обнаружил в этом проекте «олигархические тенденции». В учреждении Императорского совета она увидела не столько отставку своего фаворита (в то время Григория Орлова, которому была обязана возведением на трон), сколько ограничение её самодержавной власти. Ведь любой фаворит не в состоянии был

ограничить её власть в такой степени, в какой мог Императорский совет, состоящий из нескольких высокопоставленных лиц.

Кардинал Ришелье – Арман Жан дю Плесси (1585–1642) – в своих «Мемуарах» выступил против фавориток при французских королях. «Надо признать, – писал он, – что, коль скоро мир погубила именно женщина, ничто не может нанести государствам большего вреда, чем женский пол, который, прочно утвердившись при тех, кто ими правит, чаще всего заставляет государственных мужей поступать так, как этому полу заблагорассудится, а это значит поступать плохо».

Действительно, фаворитизм порождает угодничество, произвол, казнокрадство, безнравственность. Порой вред обществу наносили не столько сами фавориты и фаворитки, сколько лица, которых они выдвигали на значимые государственные посты и вводили в состав двора.

Фавориты и фаворитки по своему характеру и предназначению были отнюдь не одинаковы, потому что, во-первых, у престола появлялись не только фавориты и фаворитки – любовники. Иногда это были очень нужные монарху и обществу люди, высокообразованные, умные, способные править государством. Если рядом с тронном появлялась группа людей, объединённая не личными связями с монархом, а общими государственными интересами (например, Избранная рада при Иоанне Грозном), то это были фавориты, помогавшие

править государством, вести внутреннюю и внешнюю его политику, создавать законодательные документы, возглавлять армию, что приводило к расцвету государства, к его победам в войнах.

Была и еще одна категория людей, часто называемых фаворитами. Это лица, любовные связи с которыми ограничивались чисто личными интересами государя или государыни. Они не имели большого влияния на политику двора и фактически вроде бы не затрагивали интересов государства. Это просто любовники и любовницы, так сказать, эпизоды в личной жизни монарха (монархини). Тем не менее монарх расплачивался со своими любовниками и любовницами, как правило, не своим личным имуществом, а государственной казной, титулами, званиями, высокими доходными должностями для них и их родственников, что тоже наносило вред государству и обществу.

Как уже упоминалось, были при дворах фавориты и фаворитки, которые не имели любовных отношений с монархом, но благодаря благосклонности и доверенности своего покровителя (или покровительницы), будучи близкими друзьями-советчиками, обладая самыми интимными их тайнами, влияли на решение государя (или государыни) как в государственных, так и в личных делах. Казалось бы, они не наносили большого вреда государственным интересам, но жизнь есть жизнь, и они, пользуясь своей близостью к верховной власти, конечно, выпрашивали не только для себя,

но и для своих родственников и друзей должности, титулы, чины и придворные звания, ничуть не задумываясь о том, что люди, ими рекомендованные, не годны для получаемых ими преимуществ и могут на своём месте нанести государству и обществу большой вред. Выполняя просьбы людей не очень им близких, такие лица свою близость к трону иногда использовали как еще один источник дохода для себя лично, который мог стать причиной разорения государства. Так, например, Анна Монс и её родственники, используя их близость к Петру I, который все желания своей фаворитки исполнял неукоснительно, принимали просьбы окружающих их людей за деньги, как некий заказ, как стабильный источник дохода для себя и своей семьи. В том же ключе использовала свою близость с французской королевой Марией-Антуанеттой её фаворитка Жюли Полиньяк, которая, как только стала фавориткой, и сама, и её обедневшая графская семья, и даже её близкие знакомые стали очень богатыми людьми.

В целом фаворитизм в основном его проявлении, конечно, вносил в общество безнравственность. Отношение двора к фаворитам и фавориткам было всегда безнравственным: их ненавидели, устраивали им различные провокации, на них клеветали, выставляя их перед государем в самом неприглядном свете, и в то же время заискивали перед ними, льстили им, в глаза возносили до небес их красоту и достоинства, демонстрируя свою показную любовь.

Наибольший пик фаворитизма как явления, диктующего

социально-нравственные понятия и в общественном сознании, и в государственной политике, пришёлся на XVI–XVIII века. Как ни удивительно, но именно в эти времена, особенно в XVIII веке, на гребне фаворитизма у престолов, при дворе, сначала в Западной Европе, а затем и в России появились новые направления и течения в философии, эстетике, художественной литературе, драматургии, искусстве (живописи, музыке, архитектуре), которые способствовали развитию театра, нашли своё выражение в моде, в том числе и в быту (одежде, мебели, этикете). Стала развиваться и наука во всех в те времена существовавших областях.

В России начиная с петровского времени, несмотря на постоянные войны то со Швецией, то с Турцией, в русле проводимых Петром I реформ, последовательно, в соответствии с культурными достижениями западноевропейских стран, стали развиваться культура и наука. Большое влияние на Петра I имел в ту пору его фаворит Франц Лефорт. По приказу Петра I были составлены правила поведения, опубликованные под названием «Юности честное зерцало», практическая реализация этих правил нашла свой выход на учреждённых царём и проводимых Лефортом ассамблеях. Был хоть и варварски, но осуществлён переход на европейское платье. Открыт был и первый русский общедоступный театр на Красной площади, где разыгрывались пьесы родной сестры Петра I – царевны Натальи Алексеевны. По велению Петра I стали закупать за границей произведения искусства, бы-

ла открыта Кунсткамера.

Проведена реформа русского алфавита: введён гражданский шрифт, исключены буквы «омега», «пси», «юс малый» и «юс большой», введены буквы «э» и «я». В Москве, в Сухаревой башне, была открыта школа математических и навигационных наук. В 1703 году вышел учебник Л.Ф. Магницкого «Арифметика». Совершались географические открытия (В.В. Атласов первым составил описание Камчатки и Курильских островов). Первым архитектором при основании Санкт-Петербурга явился Доменико Андреа Трезини, первым русским художником – И.Н. Никитин, первым историком и учёным-металлургом – В.Н. Татищев, первым русским доктором медицины – П.В. Постников.

В продолжение всего XVIII века русская культура и русское искусство развивались под явным влиянием фаворитов у престола и западноевропейской культуры, однако не копируя её, а придавая ей русский национальный, часто даже народный колорит. Такой, несколько даже потешной, иллюстрацией этого может служить царствование Анны Иоанновны вместе с её фаворитом Бироном, когда при дворе было буквально засилье иностранцев, но сама императрица ходила в русском народном платье, при её дворе развлекали её традиционные русские шуты, шутихи, уроды и карлики.

Несмотря на всю нелепость двора Анны Иоанновны, где культура была такова, что её фрейлины спали все вповалку, в её царствование всё же продолжалось исследование Камчат-

ки: была проведена Великая Северная экспедиция (Вторая Камчатская), в которой приняли участие В.И. Беринг, А.И. Чириков, С.И. Челюскин, Д.Я. и Х.Я. Лаптевы, И.П. Гмелин, С.П. Крашенинников, Ж. Делиль, Г.Ф. Миллер, В. Прончищев.

С подачи фаворита Эрнста-Иоганна Бирона в Петербурге была осуществлена испанской труппой постановка первой в России оперы «Сила любви и ненависти» (композитор Франческо Арайя). В 1738 году в Петербурге была основана Ж.-Б. Ланде (тоже благодаря фавориту Бирону) танцевальная школа, положившая начало русскому балету. Работали в те годы придворный поэт В.К. Тредьяковский, князь А.Д. Кантемир, художник А.М. Матвеев и учёные: физик Г.В. Крафт, математик Х. Гольбах.

Елизавета Петровна была большой любительницей театра, музыки, пения, и в этом её с большим энтузиазмом поддерживали: фаворитка Мавра Егоровна Шепелева (гр. Шувалова) и фавориты Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов. Разумовский обладавший красивым голосом и умевший петь весьма задушевно, благодаря чему и стал фаворитом императрицы, очень любил музыку и задавал тон во внимании двора к музыкальному искусству. Его любовь к родной Украине, к её песням и народной музыке, к её обрядам открыли при русском императорском дворе моду на всё украинское.

И.И. Шувалов, образованнейший человек своего време-

ни, прекрасно знавший иностранные языки, особенно французский, был знаком со многими французскими деятелями искусства, выписывал вновь изданные книги и журналы из Франции, покупал картины французских и итальянских художников, был распространителем идей Просвещения в России. В 1750 году при поддержке И.И. Шувалова был открыт Ф.Г. Волковым в Ярославле первый русский театр; в 1744 году учреждена первая Порцелиновая мануфактура (ныне фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова). Производство русского фарфора связано с именем Д.И. Виноградова, а первые образцы фарфоровых изделий – с именем маркизы де Помпадур. В 1762 году закончилось строительство Зимнего дворца по проекту архитектора Бартоломео Франческо (Варфоломея Варфоломеевича) Растрелли. В 1755 году был открыт Московский университет, первым куратором которого стал фаворит И.И. Шувалов. В царствование Елизаветы Петровны проявили себя М.В. Ломоносов, Г.В. Рихман, астроном Ж.-Н. Делиль, путешественник и историк Герард Фридрих Миллер, художники Луи Каравака и Луи Жан Франсуа Лагрене, изобретатель и механик А.К. Нартов, врач П.З. Кондоиди.

Время правления Екатерины II, Екатерининский век, носит также название «золотого века» именно потому, что в эти годы в России бурно стали развиваться просветительство, искусство, литература. Екатерина вела переписку не только с европейскими коронованными особами: прусским

королём Фридрихом II, австрийским императором Иосифом II, со шведским королём Густавом III, с польским королём Августом-Станиславом, причём эта переписка не ограничивалась только политическими темами, Екатерина узнавала из их писем последние новости в моде, живописи, театре. Но о культуре, о новых веяниях в философии, искусстве, о моде в быту она в большей степени узнавала из переписки с бароном Гриммом, с Вольтером, Дидро, со скульптором Фальконе, с хозяйками аристократических салонов госпожой Жоффрен и госпожой Бьельке, с Циммерманом и другими. И Вольтеру, и энциклопедистам, и многим французским художникам русская императрица помогала материально, а её респонденты покупали за границей произведения искусства для Эрмитажа.

Много внимания было уделено Екатериной II развитию просветительства, о чём говорят: открытие в 1764 году Смольного института благородных девиц в Петербурге (с помощью И.И. Бецкого), в том же году основание Императорского Эрмитажа; открытие в Петербурге Каменного (Большого) театра (1783); открытие Императорской Российской Академии (1783) под председательством фаворитки Екатерины Романовны Дашковой (Воронцовой). По предложению Дашковой была введена в русский алфавит буква «ё»; под её редакцией создан первый толковый словарь русского языка «Словарь Академии Российской» (1789–1794).

Кроме того, в царствование Екатерины II при Московском

университете в 1791 году был учреждён «Музеум Натуральной истории» (Зоологический музей).

Все эти культурные нововведения шли в ногу с нововведениями европейскими, например, когда во Франции фаворитка Людовика XIV госпожа Ментенон учредила в Париже институт Сен-Сир (институт для благородных девиц), этот факт нашёл отражение в России, где спустя несколько лет был учреждён Смольный институт благородных девиц, но с более прогрессивными целями и со своей более углублённой программой образования и воспитания. Фаворитка Людовика XV – маркиза де Помпадур, желая увековечить себя своими портретами и скульптурами, украсить свои замки, приблизила к себе самых талантливых живописцев, скульпторов, художников-дизайнеров, заказывала у них произведения искусства, в том числе и прикладного, тем самым значительно обогатила искусство новыми формами и направлениями и даже создала названный её именем новый колорит у фарфоровых изделий.

Екатерина II последовала её примеру и также заказывала свои живописные и скульптурные портреты наиболее талантливым российским и французским художникам, многих из которых она поддерживала материально.

В Австрии императрица Мария-Терезия под влиянием французских инноваций провела реформу, в которой предусматривались новшества в культуре и просвещении. И этот шаг был замечен в России.

Фавориты и фаворитки в основном были людьми образованными, способными внести вклад в российскую культуру: так, например, бывший фаворит Екатерины II Завадовский занимался просвещением, по велению Екатерины II его стараниями были открыты Казанский, Харьковский и Дерптский университеты, при Александре I он стал первым российским министром народного просвещения. Потемкин, строя на юге города, уделял внимание и учреждениям культуры в них. Ланской коллекционировал картины знаменитых художников. Даже фаворит Иван Николаевич Римский-Корсаков, певший «как соловей», если сам ничего не предпринимал, то для его пения на достойном уровне Екатерина II окружила его приглашёнными к императорскому двору итальянскими певцами, что имело большое значение для развития в России оперного искусства; Александр Дмитриев-Мамонов был любителем музыки, поэзии, сам писал стихи, много читал, особенно книги на французском языке, который он знал превосходно.

XIX век – век расцвета русской национальной культуры, «золотой век» русской литературы, великой поэзии, живописи, театрального искусства, научных и географических открытий. В конце XIX – начале XX века Россия прославилась особым всплеском, расцветом новых форм и направлений в искусстве, который получил название «серебряного века».

И это бурное развитие российской культуры было связано с фаворитизмом у престола.

А потому, естественно, возникают вопросы: отличался ли фаворитизм в Западной Европе, в частности во Франции, Англии, Шотландии, Испании, Дании, от подобного явления в России? Какие конкретно наиболее знаменитые лица стояли у трона в качестве фаворитов и фавориток как в странах Западной Европы, так и в России и как складывалась их судьба? Какова была степень влияния каждого из них на государственные дела, на развитие культуры и искусства? И каковы были особенности и различия фаворитизма у престолов стран Западной Европы и у трона Российской империи? «Всё познаётся в сравнении», а потому, чтобы ответить на последний вопрос, необходимо противопоставить и сравнить явление фаворитизма в западноевропейских государствах с таким же явлением в России, что и попытался сделать автор книг о фаворитизме у престолов Западной Европы, с одной стороны, и у престола России – с другой.

Фаворитки великих княгинь и императриц

Аграфена Фёдоровна Челяднина – наперсница великой княгини Елены Глинской

Во времена царствования Василия III (1505–1533) и правления великой княгини Елены Васильевны Глинской (1533–1538) слова «фаворит» и «фаворитка» в русской речи ещё не употреблялись. Вместо этих слов использовались синонимы «галант», «любимец» («любовник»), «любимица», «наперсник», «наперсница», «метресса», «метреска».

Великая княгиня Елена Глинская держала в своём приближении целый штат придворных, называвшийся тогда **дворовым чином**: несколько заслуженных верховых боярынь, боярынь-казначей, боярынь-постельниц, боярынь-светличных, боярынь-мам, кормилиц и других служительниц и служителей дворового чина. Но среди них она выделяла только одну любимицу и наперсницу, которой она могла доверять свои интимные тайны, – вдову-боярыню Аграфену Фёдоровну Челяднину, рожденную Телеп-

неву-Оболенскую, родную сестру Ивана Фёдоровича Овчины-Телепнева-Оболенского, её фаворита-любимца.

Боярышня Аграфена Фёдоровна Телепнева-Оболенская была выдана замуж в семью бояр Челядниных, семью весьма уважаемую и считавшуюся высокородной: двое Челядниных носили при Государевом дворе Василия III звание конюшего, то есть занимали второе после Великого князя положение в государстве. Звание конюшего при Василии III имел и отец Аграфены – Фёдор Телепнев-Оболенский. Так что боярышня Аграфена Фёдоровна Челяднина считалась представительницей двух высоких и известных родов и вполне была достойна быть принятой на «верх», то есть в дворовый чин Великой княгини, ставший впоследствии Царицыным дворовым чином.

К сожалению, сведений о боярыне Аграфене Челядниковой сохранилось немного, потому что в разрядных книгах того времени регистрация боярынь «верха» ещё не велась, она стала вестись начиная с середины XVI века, с Царицына дворового чина Анастасии Романовны, первой жены Иоанна Грозного. Однако мы можем предположить, что Аграфена Челяднина появилась в дворовом чине великой княгини Елены Глинской, став вдовой, потому что традиционно принимались в дворовый чин прежде всего боярыни-вдовицы. Есть сведения, что во время бракосочетания Василия III с Еленой Васильевной Глинской отец Аграфены, конюший Фёдор Телепнев-Оболенский, в силу своего чина, в том чис-

ле и свадебного, всю ночь с саблей наголо объезжал вокруг той части дворца, где помещалась великокняжеская опочивальня. Выполняя предписания свадебного чина, верховая боярыня Аграфена Челяднина со своей боярыней-напарницей всю ночь дежурила рядом с опочивальней, куда вечером от свадебного стола привели молодых, жениха и невесту. В соответствии со свадебным чином, вместе с еще тремя детьми боярскими дежурил на лестнице, ведущей в опочивальню, и её родной брат Иван Овчина-Телепнев-Оболенский (Г. Котошихин).

Еще при жизни Василия III великая княгиня Елена общалась с Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским: великий князь назначил его конюшим после смерти его отца, Фёдора Телепнева-Оболенского. Но помимо государственных дел, у Ивана были дела родственные: ему позволялось приходить в теремные покои к его сестре Аграфене. Такое посещение терема мужчиною считалось непредосудительным ввиду близких родственных связей. Вполне возможны предположения, что Аграфена, зная о взаимной приязни брата и великой княгини, устраивала им свидания в своих комнатах.

Четыре с половиной года у великокняжеской четы не было детей. Но вот, наконец, родился сын, будущий первый русский царь Иоанн IV Васильевич, по отцу потомок Дмитрия Донского, по матери – потомок Мамаю. Радости, как говорится, не было конца. Счастливый великий князь Василий III в честь рождения сына велел в селе Коломенском по-

строить башню. Она и теперь стоит там на радость туристам. Встал вопрос о том, кого из верховых боярынь назначить боярыней-мамой к младенцу, великому князю Иоанну IV Васильевичу. Конечно же, только своего близкого, доверенного человека – боярыню Аграфену Фёдоровну Челяднину. Великая княгиня Елена просила мужа назначить на эту ответственную должность верховую боярыню Аграфену Челяднину, и великий князь согласился с выбором Елены.

Боярыня-мама к младенцу-наследнику назначалась только из числа верховых боярынь. В её обязанности входило следить за здоровьем и развитием младенца, за его обслуживанием кормилицей, постельницей и другими служителями дворового чина великой княгини. В те времена детская смертность была очень высокой (она и теперь в отдельных районах в значительной степени высока), поэтому роль и ответственность боярыни-мамы были особенно велики. Но и уважение к боярыне-мame в тереме тоже было большим, и её жалование было выше, чем у многих других верховых боярынь. Иногда боярыня-мама пестовала своего «ребёнка» всю его жизнь, даже после его женитьбы. Так, например, боярыня-мама Царицына дворового чина царицы Марии Ильиничны, супруги царя Алексея Михайловича, некая Хитрово (Хитрая), всю жизнь ухаживала за царевичем Феодором Алексеевичем, даже когда он стал царём, женился на польской пани Грушецкой, она постоянно находилась в его комнатах и ухаживала за ним, больным, вместе с царевной Со-

фьей.

Аграфена была не только любимицей Елены, она была её подругой, её наперсницей. Без неё была бы невозможна любовная связь Елены с Иваном Овчиной, которая началась, возможно, ещё при жизни великого князя Василия Иоанновича.

Кстати сказать, на эту тему имеется много всякого рода полемических публикаций, в которых ставится вопрос: ввиду связи Елены с Иваном Овчиной-Телепневым был ли Иван, будущий царь Грозный, сыном Василия III или не был? В пылу этих споров никто не подумал о том, что, возможно, великий князь, отправивший в монастырь свою первую, неплодную жену Соломонию Сабурову, теперь уже знал, что причиной отсутствия детей являются не жены его, а он сам. Желая иметь наследника и не желая огласки о своей неполноценности, Василий III приблизил к себе Ивана Овчину, молодого, умного, статного, красивого, чтобы у Елены мог родиться достойный сын. А потому, зная о связи Елены с Овчиной, не только не препятствовал этому, но и держал это в глубокой тайне. Василий III Иоаннович с великой радостью воспринял рождение сына, пышно его отпраздновал, чтобы никому не позволить усомниться в невеликокняжеском происхождении младенца. Перед своей смертью он назначил Ивана Овчину конюшим вместо его умершего отца, чтобы конюший, который по закону должен возглавлять недавно учреждённую Боярскую думу, был бы надёжной опорой

для Елены и **наследника, его сына**. Но чтобы не вызывать толков и зависти среди бояр, великий князь назначил в помощь Елене еще несколько ближних бояр. Василий III при этом не учёл смелости Елены в её поступках и гордой оценке своей личности как правительницы и не предполагал, что Елена в течение очень короткого времени недипломатично отстранит рекомендованных ей бояр.

Даже если кто-то из ближних бояр знал тайну рождения царевича Ивана, он не посмел бы об этом даже заикнуться: ведь великий князь признал младенца своим сыном, доказательств обратного у бояр не было никаких, да и скандал при великокняжеском дворе никому не был нужен, потому что это могло привести к великим распрям по вопросу о престолонаследии. Поэтому мудрые бояре решили этот вопрос в пользу **законного царевича, великого князя Иоанна**. А современные толки на эту тему слишком запоздали. Примечательно, что при жизни Иоанна Грозного ни он сам, ни его окружение, даже враги, о его незаконном рождении не упоминали. Ходили слухи о том, что у Соломонии Сабуровой родился сын, который должен был стать великим князем всея Руси в силу своей первородности, и это Великий князь знал и, возможно, переживал. Зачем же нам теперь бездоказательно возбуждать этот вопрос?

После смерти великого князя Московского Василия III, последовавшей в Москве 4 декабря 1533 года, Елена стала, по его завещанию, регентшей, правительницей Московского

государства. У неё не хватило ни дипломатической осторожности, ни такта, и в помощники себе она избрала не ближних бояр, которых ей рекомендовал великий князь, а своего любимца, своего фаворита, конюшего Ивана Фёдоровича Овчину-Телепнева-Оболенского. Его она предпочла своим родственникам Глинским, даже дяде Михаилу, который возвел её на великокняжеский престол и которого она, несмотря на все его заслуги лично перед ней, заточила в темницу, где он и умер, находясь в несовместимых с жизнью условиях. Теперь уже без утайки, в открытую у неё в фаворе было два самых верных, самых доверенных человека: Иван Овчина и его сестра Аграфена Челяднина. Иван соблюдал государственные интересы Елены, Аграфена блюла, как зеницу ока, сына Елены, младенца Иоанна, будущего государя Руси. Чтобы оградить наследника Ивана от предполагаемых претендентов на Московский престол, Елена с Иваном Овчиной уничтожили всех братьев Василия III, не брезгуя никакими средствами, даже обманом. Пришлось отбиваться и от внешних врагов, желающих занять Московский престол. Так продолжалось около пяти лет, возбуждая недовольство и злость ближних бояр.

Но вот совершенно неожиданно 3 апреля 1538 года великая княгиня Елена Васильевна, с утра будучи здоровой, после полудня умерла. Есть предположение, что она была отравлена солями ртути. Этот исход можно было ожидать: народ не любил Елену, видя в ней иностранку, а стало быть,

еретичку, да ещё женщину развратную, позволившую себе открыто иметь любимца (любовника). Ненавидели её и бояре, которых она отстранила от управления государством, заменив их всех Овчиной. Особенно Шуйские, всегда рвавшиеся к власти и впоследствии всё-таки до неё дорвавшиеся.

После смерти великой княгини Елены Васильевны для князя Ивана Фёдоровича Овчины-Телепнева-Оболенского и для боярыни-мамы Аграфены Фёдоровны Челядниной наступил час расплаты за любовь и фавор. Ивана арестовали, заточили в темницу, где он, в колодах, прикованный железными цепями за руки и за ноги, в скором времени умер от голода, холода и физических мучений. Аграфена была сослана в далёкий северный монастырь с суровыми условиями проживания, где и скончалась.

Так печально закончился первый опыт фаворитизма при русском Государевом дворе.

Матрёна (Модеста) Монс (Балк) – фаворитка-наперсница Екатерины I

Матрёна Ивановна Монс, в замужестве Балк, старшая сестра Анны Монс, фаворитки Петра I, дочь немецкого уроженца Иоганна Монса, виноторговца (по другим данным, золотых дел мастера), служила в качестве камер-фрау (статс-дамы) при дворе царицы Екатерины Алексеевны, а затем императрицы Екатерины I.

Она была замужем за Фёдором Николаевичем фон Балкен, или Балк (1670–1739), который имел чин генерал-поручика и впоследствии, в царствование Анны Иоанновны, с июня 1734 по 1738 год был московским генерал-губернатором.

Матрёна, которую называли также в её немецкой среде Модестой, оказалась при царском дворе не потому, что её сестра Анна была фавориткой царя (к этому времени Анна Монс была уже в опале), а по протекции членов семейства Балк, служивших Петру I верой и правдой и весьма уважаемых царём. Царица Екатерина Алексеевна знала, что Матрёна Балк родная сестра Анны Монс, однако общие немецкие корни, родной язык, обязанности Балк при дворе сблизили царицу с её камер-фрау, и Матрёна стала пользоваться расположением Екатерины, её доверенностью во всех делах и вскоре стала её подругой-наперсницей. Этому особому сбли-

жению способствовало то, что Матрёна сумела устроить своего красавца-брата Виллима Монса камер-юнкером в свиту царицы. А Виллим сумел очаровать, пленить Екатерину настолько, что она поручила ему ведение всего своего личного хозяйства: и финансов, и поместий, и дворцовых ценностей. Как и его сестра Анна, Виллим Монс стал широко пользоваться своим положением фаворита царицы Екатерины, возведённой 7 мая 1724 года Петром I в императрицы и ставшей Екатериной I. По законам фаворитизма он, как фаворит, стал беззастенчиво обогащаться за счёт своей покровительницы и брать взятки с тех, кто имел просьбы к царю, устраивая эти дела через Екатерину.

Матрёна Балк, ставшая наперсницей царицы, помогала встречаться Екатерине с Виллимом, передавая их записочки и любовные послания, при этом тщательно сохраняя их тайну. За свой «труд» она получала вознаграждение как от императрицы, так и от её фаворита. Она брала взятки и от просителей, потому что все знали, что она самая близкая подруга Екатерины, что царица не откажет ей в любой её просьбе и сумеет добиться от царя исполнения этой просьбы.

Обогащаясь за счёт своих просителей, желавших получить придворное звание, Виллим не забывал и о себе. В 1724 году, благодаря сестре и своей возлюбленной-благодетельнице, ему удалось испросить для себя звание камергера при Императорском дворе. Екатерина получила на это согласие Петра I, уже был составлен приказ о назначении Виллима

Монса камергером, но царь не подписал этот документ, который так и остался лежать в царском архиве, явившись для многих историков основанием для того, чтобы считать, что Виллим Монс был камергером. А Пётр не подписал этого назначения потому, что уже ходили слухи об обогащении Монса за счёт царицыных денег и кто-то из придворных донёс ему об измене его жены и о месте её встречи с Виллимом на берегу Финского залива. Есть предание, что Пётр, привыкший считать свою Катю абсолютно ему преданной, не поверил доносчику, но решил сам проверить, правда ли это. Он один, никому ничего не говоря, подплыл на лодке к указанному ему месту и воочию убедился в предательстве Екатерины и Виллима Монса. Пётр понял, что об измене жены знал и его самый близкий друг, его «Алексашка», Меншиков. Горько было сознавать, что самые близкие ему люди, которых он считал самыми верными, оказались предателями, изменниками. Ни с кем не обмолвившись об этом ни словом, особенно с Екатериной и Меншиковым, Пётр отдал приказ проверить все дела Виллима Монса. Убедившись в казнокрадстве Монса, в декабре 1724 года Пётр, уже будучи больным, всё же пригласил камер-юнкера императрицы к себе на обед. Он мирно и даже дружелюбно беседовал с ним, угощал его, но когда Виллим вернулся домой, то был арестован по обвинению в лихоимстве и казнокрадстве, воровстве дворцовых вещей, во взяточничестве. Виллим Монс был приговорён к отсечению головы. Он был обезглавлен, и голова его, водру-

жённая на кол, демонстрировалась людям для того, чтобы было неповадно обворовывать казну и царские дворцы. Все знали, как ненавидел царь лихоимцев и взяточников, и потому официально объявленная причина казни Монса ни у кого не вызывала сомнений.

По делу брата своего была арестована и Матрёна Ивановна Балк. Её обвинили в воровстве и пособничестве брату в хищении царской казны.

Екатерина не стала заступаться за свою близкую подругу, она сделала вид, что вообще ничего об этом деле не знает. В день казни Монса Екатерина разучивала новые танцы со своими дочками Анной и Елизаветой, была очень радостна и весела.

Пётр не стал обезглавливать Матрёну Балк. Её били батогами, а потом отправили в ссылку, в дальний северный монастырь.

Но императрица не забыла свою наперсницу-подругу.

Когда после смерти Петра Великого, последовавшей 28 января 1725 года, Екатерина I стала Всероссийской императрицей, она в том же году приказала вернуть Матрёну Балк из ссылки. Однако вернуть её в придворный мир Высочайшего двора Екатерина I поостереглась, но пожаловала свою бывшую камер-фрау (статс-даму) более высоким званием – гофмейстериной малого двора герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны с её дочерью принцессой Анной Леопольдовной, что не помешало Матрёне Балк оста-

ваться близкой подругой и наперсницей императрицы Екатерины I.

Слухи о том, что Матрёна Балк якобы была казнена и что её голова вместе с головой её брата Виллима Монса была заспиртована и хранилась в подвалах царского дворца, реализованные, например, в пьесе современного драматурга А.М. Кравцова, не соответствуют действительности. Судьба фаворитки Екатерины I Матрёны Ивановны Балк (Модесты Иоганновны Монс) была определена фаворитизмом у престола Российской империи.

Юлия Менгден – фаворитка правительницы Анны Леопольдовны

Баронесса Юлия (Юлиана) фон Менгден (1719–1786), будучи самой любимой и самой приближенной, первой камер-фрау (статс-дамой) Всероссийской правительницы при младенце-императоре Иоанне VI Антоновиче, принцессы Брауншвейгской Анны Леопольдовны, играла весьма значительную роль при дворе не только как фаворитка-наперсница. Она вмешивалась и в дела государственного значения, и в интриги, связанные с фаворитом Анны Леопольдовны.

Юлия Менгден принадлежала к старинному вестфальскому баронскому роду, который в XVIII веке получил признание в России не только как баронский, но также и как графский род Священной Римской империи.

В XV веке баронский род Менгденов переселился из Вестфалии в Прибалтику, где наиболее известным представителем этого рода стал барон Иоганн фон Менгден, который в 1450–1469 годах, то есть в течение 19 лет, возглавлял Тевтонский орден в качестве его магистра.

В царствование Иоанна Грозного, во время войны с Ливонией (1558–1583), один из Менгденов, барон Эрнст фон Менгден, был взят русскими в плен и, как потомок магистра Тевтонского ордена, привезён в Москву. Так одна из ветвей старинного баронского рода оказалась на службе у русских

царей. Один из потомков барона Эрнста фон Менгдена, барон Юрий Андреевич фон Менгден, служил у Петра I и стал первым полковником в то время только что учреждённого Преображенского полка.

В середине XVIII века, в правление Анны Леопольдовны, двоюродный брат Юлии Менгден, барон Карл фон Менгден, имея чин тайного советника (III класс Табели о рангах), состоял в должности президента Коммерц-коллегии. Барон Менгден был одним из доверенных лиц фаворита Бирона. Именно ему Бирон доверил добиться у Анны Иоанновны через Бестужева и Остермана регентства для себя. Выполняя эту просьбу, Карл Менгден отправился к Бестужеву и сказал ему: «Если герцог регентом не будет, то мы все пропадём! А ведь герцогу самому о себе просить нельзя – так нельзя ли об этом как-нибудь стороной просить ея величество». Это возымело действие. Бестужев целую ночь сочинял указ о регентстве Бирона, а Остерман в беседе с императрицей горячо поддержал этот проект, а затем по просьбе Бирона Бестужев сочинил еще от имени Сената и Генералитета позитивную декларацию, в которой содержалась просьба «обеспечить мир в стране, поручив регентство Бирону». Однако, поддерживая Бирона в захвате им верховной власти, барон Менгден в то же время сделал попытку выдвинуть на регентство родителей объявленного императором младенца Иоанна VI: или Антона-Ульриха, или его супругу Анну Леопольдовну, но они оба якобы отказались под предлогом, что ни-

когда не вмешивались в государственные дела (К. Валишевский).

Анна Иоанновна долго не подписывала ожидаемую Бироном бумагу, но перед самой своей смертью всё же её подписала, тем самым поручив правление Россией иностранцам. Впрочем, иностранцы и так в её царствование разве что её именем, но по сути правили Российской державой.

Таким образом, барон Карл фон Менгден, двоюродный брат фрейлины Менгден, в государственной политике играл не последнюю роль, что отражалось, естественно, на статусе при дворе и баронессы Юлии Менгден.

Юлия Менгден появилась при дворе совершенно неожиданно для неё, благодаря случайному знакомству с герцогиней Екатериной Ивановной, родной сестрой императрицы Анны Иоанновны и матерью принцессы Анны Леопольдовны. Надо сказать, что Анна Леопольдовна была очень стеснительной особой, плохо сходилась с людьми, и даже её мать считала её дикой. Но уж если Анна кого-то приняла в свой круг общения, если кого-то полюбила, то общалась только с этим человеком. Вот таким человеком для неё оказалась Юлия Менгден, которую Екатерина Ивановна и рекомендовала фрейлиной при дворе своей сестры Анны Иоанновны.

По смерти Анны Иоанновны объявленный регентом Бирон поторопился вступить в свои права и для этого почти сразу после похорон со всей пышностью обставил переезд малютки-императора в императорский дворец. Торжествен-

ное шествие переезда императора Иоанна VI Антоновича во дворец открывал гвардейский эскадрон, за ним церемониальным шагом шёл регент Бирон впереди кресла, на котором несли кормилицу, держащую на руках ребёнка-императора, за ними в парадной карете ехала мать императора, принцесса Анна Леопольдовна, с недавно принятой ко двору фрейлиной Юлией Менгден. Для придворных это был знак, что фрейлина Менгден в скором времени станет фавориткой принцессы. И действительно, Юлия Менгден скоро стала фавориткой, притом не просто принцессы Брауншвейгской, а после ареста Бирона и Миниха и их ссылки – фавориткой регентши, правительницы Всероссийской, притом фавориткой, получившей такую силу и такие полномочия, что впору было признать регентшей её, а не глупую и ни в чём не разбирающуюся Анну Леопольдовну, хотя и желающую иметь власть. Юлия Менгден настолько забрала душу и сердце Анны Леопольдовны, что правительственным центром России стала её спальня. Через спальню фрейлины решались важные дела государственного значения, а это значило, что по важным вопросам нужно было обращаться не к правительнице Анне Леопольдовне, а к фрейлине-фаворитке Юлии Менгден.

Регентша настолько была привязана к Юлии, ей было настолько с ней комфортно, что она «не одеваясь, не причёсываясь, повязав голову платком», готова была сидеть «целый день во внутренних покоях с неразлучною фавориткою,

фрейлиною Менгден!» (С.М. Соловьев).

Для Юлии Менгден Анне Леопольдовне ничего не было жалко; после ареста и ссылки Бирона она распорядилась имуществом свергнутого регента и подарила своей Юлии четыре парадных кафтана Бирона и три кафтана его сына Петра. Менгден спорола с кафтанов золотые позументы, отдала их на «выжигу» (переплавку) и сделала из них четыре шандала (подсвечника), шесть больших тарелок и две коробочки. (Представляете, дорогой читатель, сколько золота было на этих кафтанах?!)

Анна Леопольдовна не ограничилась этими золотыми подарками, она постоянно одаривала свою любимую фаворитку деньгами по 1000, по 2000, по 3000 рублей, а помимо этих «мелочей», по 10 тысяч, а то и по 30 тысяч рублей единовременно. Подарила Анна Леопольдовна своей фаворитке и мызу Обер-Пален в Дерптском уезде.

Менгден не без основания считала себя попавшей в правительство: она была родственницей Миниха, арестовавшего Бирона и стоявшего выше всех других вельмож, кроме разве что Остермана. Но и Миних, которого Анна Леопольдовна почему-то недолго любила, держался на высоте благодаря Менгден, которая пользовалась безграничной доверенностью правительницы. Миних надеялся, что враждебный настрой Анны Леопольдовны и фаворитки Менгден против принца Антона-Ульриха дойдёт до такой степени, что они обратятся к нему для низложения и принца Антона, и Остер-

мана, которого Миних просто ненавидел.

Анна Леопольдовна не выносила своего мужа принца Антона-Ульриха Брауншвейгского, который, хоть и был неспособен к какому-либо управлению, во многих случаях пытался заменить свою супругу в государственном управлении и даже поднимал скандал, если его роль в политических решениях сводилась к нулю. Фаворитка Менгден всячески оберегала свою благодетельницу от принца Антона и порой запрещала ему входить не только в комнату правительницы, но и в свою спальню, где часто находила своё убежище его жена. Это было понятно посвященным, которые знали об отношениях супругов. Но и такая необыкновенная привязанность Анны Леопольдовны к фаворитке Менгден тоже вызывала удивление и порождала предположение в их греховной связи. Тем более что принцессу Анну и Юлию Менгден не раз заставляли отдыхающими в одной постели.

Когда же в Россию вернулся саксонский посланник Линар, прежде изгнанный Анной Иоанновной за любовную связь с её племянницей, фаворитка-наперсница взяла на себя роль прикрытия этой вновь вспыхнувшей страсти.

Любовь правительницы Анны Леопольдовны к Линару переставала быть тайной, и посвящённых в этот секрет Полишинеля становилось с каждым днём все больше, вызывая опасения, что в результате этой любви российский престол займут дети Линара. Хотя, возможно, и напрасно, потому что Анна Леопольдовна продолжала исполнять свои супру-

жеские обязанности и почти ежегодно пополняла свою семью новыми её членами.

Чтобы прекратить слухи и опасения, было решено последовать хитрости, которую использовала прежде родная тётка принцессы Брауншвейгской императрица Анна Иоанновна, которая женила своего фаворита Бирона на одной из своих фрейлин, очень некрасивой, но из знатного рода – баронессе Бенигне-Готлиб фон Тротта-Трейден, которая до самой смерти Анны Иоанновны прислуживала ей, а в особые для Анны Иоанновны месяцы подкладывала себе на живот подушки, симулируя беременность. Например, в 1723 году Бенигна носила на животе подушку в течение 9 месяцев, вплоть до 4 января 1724 года, когда якобы у неё и Бирона родился сын Пётр, который, когда подрос, стал почему-то очень похож на Анну Иоанновну. В те времена тайну рождения детей в семье Бирона хранили, помимо Бенигны, еще три камер-фрау, наперсницы императрицы: Анна Крамер, Юстина Грюнвальд и Иоганна Петрова. Так ловко для чужих глаз протекала жизнь Анны Иоанновны и её фаворита Бирона.

Ну а теперь, в августе 1741 года, было объявлено, что саксонский посланник граф Линар женится на фрейлине баронессе Юлии Менгден, не менее родовитой, чем он. Так было задумано, чтобы опровергнуть всем известную информацию, что Линар – любовник Анны Леопольдовны, потому что фаворитка Юлия Менгден, чтобы спасти Анну Леопольдовну от позора неверной жены, пожелала ради своей по-

други и покровительницы принять на себя роль ширмы. Во всяком случае, получив от своей невесты (а на самом деле от Анны Леопольдовны, потому что таких денег у Менгден не было) 35 тысяч рублей для помещения их в Дрезденском банке, граф Линар, уже награждённый орденом Святого Андрея Первозванного, высшим орденом Российской империи, отправился в Дрезден, чтобы уладить там все свои дела, вернуться в Петербург, вступить на русскую службу в звании обер-камергера (в те времена высшее придворное звание I класса Табели о рангах) и жениться на статс-даме, баронессе Юлии Менгден, а возможно, уже к этому времени не только баронессе, но и получившей пожалование титула княгини.

Из Дрездена Линар предупредил в письме свою настоящую возлюбленную о готовящемся перевороте, но Анна Леопольдовна ограничилась только предупреждением Елизаветы Петровны, тем самым приблизив переворот к следующей ночи.

Пока Линар в Дрездене улаживал свои дела, наступила ночь с 24 на 25 ноября 1741 года, когда во втором часу пополуночи Елизавета Петровна в гвардейском костюме с отрядом гвардейцев вошла во дворец, в покои правительницы, и разбудила фрейлину Менгден, рядом с которой, по одной из версий, спала и регентша Анна Леопольдовна. В то же самое время по дороге во дворец преображенцы арестовали Миниха, а на Невском проспекте – графа Головкина и барона Карла Менгдена, затем объявили домашний арест Лёвенвольде

и обер-гофмаршалу, морскому генерал-комиссару Лопухину, а в довершение дела 30 гренадер-преображенцев отправились арестовывать Остермана.

В манифесте от 28 ноября 1741 года было объявлено о низложении регентши принцессы Брауншвейгской вместе с младенцем-императором и о возведении на трон Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого. В декабре 1741 года Анна Леопольдовна и Антон-Ульрих с детьми под большим конвоем, возглавляемым генерал-лейтенантом Василием Фёдоровичем Салтыковым, родственником Анны Леопольдовны по материнской линии, были отправлены в Ригу, куда они прибыли 9 января 1742 года. Анна Леопольдовна умоляла Елизавету не разлучать её с фрейлиной Менгден, и такое разрешение было дано. Однако покушение на Елизавету Петровну камер-лакея А. Турчанинова с целью возведения на трон младенца Иоанна Антоновича, затем интриги маркиза Ботты и подполковника Лопухина показали, что принцесса и принц Брауншвейгские, подстрекаемые европейскими владетельными домами и их клевретами, сами частной жизнью спокойно жить не смогут и Елизавете Петровне жить спокойно не дадут. Было ясно, что доброта Елизаветы Петровны к своей двоюродной племяннице Анне Леопольдовне оценена не была и не будет. А потому все самые близкие к Елизавете Петровне люди, участники переворота: братья Пётр и Александр Шуваловы, Михаил Воронцов, Лесток и Ла Шетарди – все советовали арестовать низ-

вергнутое семейство и отправить его в настоящую ссылку на север. Так что по прибытии в Ригу семейство низложенного императора, которое расположилось в замке, прежде принадлежавшем Бирону, после покушения на Елизавету Петровну было взято под стражу. 13 декабря 1742 года, почти через год их пребывания в Риге, всё семейство вместе с Иоанном VI Антоновичем было направлено в Дюнамюнде, где у Анны Леопольдовны родилась еще одна дочь – Елизавета.

Было решено поручить попечение о Иоанне с родителями и сёстрами барону Н.А. Корфу и отправить семейство Брауншвейгское в ссылку на Соловки. Но до Соловков добраться не удалось. Когда осенью 1744 года прибыли в Холмогоры, выяснилось, что до Соловков доехать невозможно: лёд уже стал, но недостаточно крепкий, чтобы продолжить по нему путь на лошадях. К тому же Анна Леопольдовна была опять на сносях. Решено было разместить арестантов в холмогорском архиепископском доме. Иоанн был помещён отдельно, а фрейлина Юлия Менгден, к огромному горю Анны Леопольдовны, была отправлена обратно. 19 марта 1745 года у Анны Леопольдовны родился сын Пётр. Указом от 29 марта того же года барон Корф был возвращён домой, передав ссыльных капитану Измайловского полка Гурьеву. Иоанн продолжал содержаться в Холмогорах, но его родители не знали, где он находится. 27 февраля 1746 года Анна Леопольдовна родила ещё одного сына – Алексея. На этот

раз роды были тяжёлые, началась родовая горячка, и через 9 дней, 7 марта, Анна Леопольдовна скончалась. В официальном сообщении о её смерти, чтобы скрыть рождение принцев, младших братьев Иоанна, было сказано, что она скончалась не от родовой горячки, а от «огневицы» (высокой температуры).

Тело Анны Леопольдовны было погребено со всеми подобающими почестями в Александро-Невской лавре, рядом с могилой Анны Иоанновны. Похоронами распоряжалась лично императрица Елизавета Петровна.

О фрейлине Юлиане Менгден в дальнейшем было известно только то, что она умерла в 1786 году, в царствование Екатерины II, пережив свою благодетельницу Анну Леопольдовну на 40 лет.

Фаворитка императрицы Елизаветы Петровны – графиня Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева

Никто из придворных женщин и девиц не был так близок к императрице Елизавете Петровне, как Мавра Егоровна Шепелева, считавшаяся как бы в родстве с Екатериной I, а следовательно, и с её дочерью, Елизаветой Петровной. Это «как бы родство» велось от пастора Глюка, на дочери которого был женат Дмитрий Андреевич Шепелев, родственник отца Мавры Шепелевой – Егора Ильича Шепелева. Марта Самуиловна Скавронская, ставшая императрицей Екатериной I, в те времена была, как считалось впоследствии, «воспитанницей» пастора Глюка, хотя уже тогда была замужем.

Когда Марта Скавронская была передана Меншиковым царю в качестве наложницы, она, по желанию Петра I, крестилась в православие под именем Екатерины Алексеевны и стала фавориткой царя. В 1712 году Петр I женился на ней, и она получила статус царицы. Тогда Екатерина Алексеевна вызвала к себе в услужение, по давнему знакомству, Мавру Шепелеву и определила её камер-юнгферой к цесаревне Анне Петровне (1708–1728), своей дочери от Петра I.

В 1720 году в Россию приехал герцог Голштейн-Готторпский Фридрих-Карл. Он надеялся с помощью Петра I, кото-

рый в это время одерживал морские победы над шведами у о. Эзель (Сааремаа) и у о. Гренгам, возратить от Дании Шлезвиг, прежде принадлежавший его фамилии, и таким образом приобрести право на шведский престол. После Ништадтского мира 1721 года, по которому Россия обязывалась не вмешиваться во внутренние дела Швеции, надежды эти рухнули, но зато герцог познакомился с цесаревной Анной Петровной, любимой дочерью Петра, красивой, умной, образованной и очень способной девушкой, которая прекрасно говорила на французском, немецком, итальянском и шведском языках.

Камер-юнгфера Мавра Егоровна Шепелева – Маврушка (с ударением на первом слоге), как называли её в августейшем доме, была свидетельницей и ухаживаний герцога за цесаревной Анной, и его предложения руки и сердца, и весьма важного для России и Голштинии акта, когда 22 ноября 1724 года Пётр I и герцог Голштейн-Готторпский подписали брачный контракт, который предусматривал отказ герцога, его супруги Анны и их детей от притязаний на Российский престол. Однако Пётр оставлял за собой право призвать на Всероссийский престол одного из рождённых от этого супружества принцев, что в конце концов и совершилось после смерти Петра I: в 1761 году, по желанию императрицы Елизаветы Петровны, которая, как бы выполняя волю отца своего, назначила наследником российского трона своего племянника, сына её родной сестры Анны Петровны – Карла-Пе-

тера-Ульриха, герцога Голштейн-Готторпского, ставшего после её смерти Петром III.

Мавра Шепелева присутствовала во дворце в начале января 1725 года, когда скончался император Петр I, не назначив своим наследником никого. По преданию, перед смертью он попробовал письменно выразить свою волю о престолонаследии, но успел написать только: «Отдать все...», далее рука не слушалась, он велел позвать Анну Петровну, но когда она пришла, он не мог уже и говорить.

Камер-юнгфера Мавра, как и многие другие, была убеждена, что Петр I хотел передать престол дочери Анне как наиболее подходящей для этого наследнице, потому и призвал Анну к своему одру, но не смог сказать уже ни слова, чем и воспользовался Меншиков, выдвинувший на престол Екатерину как коронованную императрицу, хотя все знали, что Екатерина, в силу своей неграмотности, не способна править Российской империей, а потому правителем будет он, Меншиков.

Присутствовала Маврушка и на бракосочетании герцога с Анной Петровной, которое состоялось в Троицкой церкви на Петербургской стороне 21 мая 1725 года, уже в царствование Екатерины I.

Императрица Екатерина, любя свою дочь, оказывала всяческую поддержку её мужу: при её содействии герцог Голштейн-Готторпский Фридрих-Карл стал членом вновь учреждённого Верховного тайного совета и приобрёл большое

влияние как при дворе, так и в политических кругах. Герцогиня Анна Петровна была счастлива тем, что ей не нужно было покидать Россию. Она была очень дружна со своей сестрой Елизаветой, и Маврушка с охотой прислуживала им обеим. Ведь в эти же годы Екатерина I, за неимением лучшего, после отказа Франции от брака Людовика XV с русской принцессой Елизаветой Петровной, согласилась на брак своей дочери с епископом Любской епархии, младшим братом правящего герцога Карлом-Августом Голштинским. Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает»: 6 мая 1727 года в Санкт-Петербурге, по одной из версий, от чахотки скончалась императрица Екатерина I. Маврушка и цесаревны горько оплакивала её смерть: Маврушка – свою благодетельницу, цесаревны – свою любимую матушку.

Меншиков не терял времени: как глава Тайного совета, он поспешил пригласить на трон несовершеннолетнего внука Петра I, Петра II Алексеевича, сына царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты-Кристины-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, и уже 25 мая 1727 года обручил его со своей дочерью, княжной Марией Александровной Меншиковой.

Прошло всего лишь чуть больше месяца, как в июне 1727 года в Санкт-Петербурге скончался жених Елизаветы Петровны – Карл-Август Голштинский, так и не успевший обвенчаться с цесаревной.

После смерти Екатерины I, когда власть перешла в руки

всесильного Меншикова, положение семьи императора Петра I стало очень тяжёлым. Захватив власть, Меншиков не хотел расставаться с нею. Он знал, что, если императрицей станет Анна Петровна, он потеряет всё, потому что она хорошо знала все его проделки. Поэтому он нашёл повод для серьёзной ссоры с герцогом Голштинским и вынудил его вместе с тогда уже беременной Анной Петровной оставить Петербург и уехать в Голштинию, что и произошло 25 июля 1727 года.

В этот июльский день герцог Голштейн-Готторпский и его супруга герцогиня Анна Петровна выехали в Голштинию. Камер-юнгфера Мавра Егоровна Шепелева по долгу службы отправилась со своей госпожой. Всё время пребывания Анны Петровны в Голштинии не только она сама, но и Маврушка вели оживлённую переписку с Елизаветой Петровной. Прервалась эта переписка 4 марта 1728 года, когда Анна Петровна, разрешившись от бремени сыном Карлом-Петром-Ульрихом, умерла от родовой горячки. Ребёнок остался жив и, как известно, впоследствии стал императором Петром III, супругом Екатерины Алексеевны (Екатерины II).

Умирая, Анна Петровна просила похоронить её в Петропавловском соборе, рядом с её отцом Петром Великим. Сопровождать тело Анны Петровны в Петербург было поручено Мавре Егоровне.

12 ноября 1728 года двадцатилетняя российская цесаревна и герцогиня Голштинская Анна Петровна была похоронена, согласно её желанию, в Петропавловском соборе, близ

могилы её отца императора Петра Великого.

19 января 1730 года от оспы умер Пётр II, но Тайный совет не рекомендовал на трон Елизавету Петровну, дочь Великого Петра, на том основании, что она родилась не от супруги Петра I Екатерины Алексеевны, а от Екатерины Алексеевны, тогда (в 1709 году) наложницы (фаворитки) царя Петра I, то есть была незаконнорожденной. А потому 25 января 1730 года на российский престол была приглашена дочь «слабого головою» Иоанна V Алексеевича – Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская.

Цесаревна Елизавета Петровна, получив разрешение от императрицы Анны Иоанновны, приняла Мавру Шепелеву в качестве камер-юнгферы при своём малом дворе. После всего совместно пережитого Елизавета Петровна считала Маврушку своим родным человеком, и потому Мавра Егоровна, несмотря на своё скромное звание камер-юнгферы (не придворной девицы, а служительницы при дворе), получила статус любимицы, фаворитки при малом дворе цесаревны.

Маврушка была подругой и наперсницей Елизаветы Петровны, хранительницей всех её сердечных тайн, помощницей в интимных делах. Она была образованной, способной, весёлой и бойкой девушкой, любила музыку, пение, стихи, театральные представления, игры и забавы. В ней было много общего с Елизаветой Петровной и в характере, и во вкусах, и в любви к искусствам. Елизавета Петровна всем серд-

цем привязалась к Маврушке как к родному человеку, тем более что Анна Иоанновна ненавидела Елизавету как возможную претендентку на престол, а потому и в царствование Анны Иоанновны, и в последующее затем регентство Анны Леопольдовны жизнь цесаревны была весьма непростой, и близких людей в её окружении, кроме Маврушки, фактически не было никого.

О том, как всё было непросто, говорит такой факт: однажды Мавра написала пьесу, в которой в аллегорической форме, как это было принято в те времена, показала Елизавету Петровну в образе богини Лавры, доброй, справедливой и внешне прекрасной. Пьеса была разыграна на театре при малом дворе Елизаветы Петровны. Узнав об этом, императрица Анна Иоанновна пришла во гнев, объявила пьесу политической демонстрацией и приказала Тайной канцелярии расследовать это «дело».

Елизавета Петровна в скором времени пожаловала свою Маврушку в придворное звание камер-фрейлины своего малого двора. Имеется версия, что малороссийского певца Алексея Григорьевича Розума, ставшего фаворитом Елизаветы Петровны, сначала нашла в селе Лемеша Черниговской губернии именно Мавра Егоровна, посланная своей цесаревной в Малороссию для набора певчих в хор малого двора. Но так как при Анне Иоанновне самостоятельно приглашать певчих к своему двору Елизавета Петровна не имела права, то по наводке камер-фрейлины Мавры Егоровны в село Ле-

мешки отправился с этой же целью Вишневецкий, уполномоченный Анны Иоанновны. Он нашёл Алексея Розума и пригласил его в Петербург в качестве певца в капелле Высочайшего двора Анны Иоанновны. Там его впервые и услышала Елизавета Петровна и буквально влюбилась и в его голос, и в него самого. По просьбе цесаревны Алексей Розум был переведён в хор её малого двора, а затем стал её фаворитом.

По восшествии на престол в 1741 году Елизавета Петровна выдала свою любимицу-фаворитку Мавру Егоровну Шепелеву замуж за камер-юнкера Высочайшего двора графа Петра Ивановича Шувалова, в результате чего Мавра Егоровна приобрела титул графини Шуваловой, а её супруг сделал головокружительную карьеру, став одним из важнейших государственных деятелей.

В день своей коронации Елизавета Петровна пожаловала Мавру Егоровну придворным званием статс-дамы и подарила ей для ношения на груди свой портрет, осыпанный бриллиантами.

Не все придворные и гражданские чины жаловали Мавру Егоровну. О ней, фаворитке Елизаветы Петровны, отзывались иногда весьма неодобрительно, отмечая, например, что от неё дурно пахнет. Действительно, Мавра Егоровна после рождения сына долгое время страдала кровотечением. По её словам, она излечилась от болезни в результате ежедневных в течение продолжительного времени молитв иконе Николая-угодника.

Став графиней Шуваловой, фаворитка Елизаветы Петровны взяла на себя смелость в некоторых случаях служить не интересам своей благодетельницы, а интересам семьи Шуваловых. Так, например, в период увлечения Елизаветы Петровны Бекетовым Шуваловы были заинтересованы в том, чтобы удалить Бекетова и рекомендовать на место фаворита своего родственника, родного брата мужа Мавры Егоровны, – Ивана Ивановича Шувалова. С этой целью супруг Мавры Егоровны вошел к Бекетову в доверие и рекомендовал ему притирание, которое якобы будет способствовать сохранению его нежной кожи лица, которой восхищалась императрица. Когда же Бекетов намазал лицо этим «чудодейственным» притиранием, у него пошла по лицу сыпь. Тогда Мавра Егоровна шепнула Елизавете Петровне, что Бекетов заразился нехорошей болезнью, и Елизавета Петровна тотчас же удалила Бекетова от двора. А Иван Иванович Шувалов на многие годы стал фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Конечно, такое лукавство не может быть одобрено, но дальнейший ход событий показал, что для России замена Бекетова Шуваловым оказалась весьма плодотворной: Бекетов был совсем юным и малообразованным человеком, а Иван Иванович Шувалов, хоть и был молодым, имел обширные знания, владел несколькими иностранными языками, желал послужить своей стране, а потому и проявил себя в деле развития культуры и науки весьма достойно. О фаворите Иване Ивановиче Шувалове рассказано в книге «Фаво-

риты у российского престола».

Умерла статс-дама Высочайшего двора графиня Мавра Егоровна Шувалова в 1759 году, на два года раньше своей августейшей покровительницы и подруги.

Фаворитки императрицы Екатерины II

У Екатерины II было несколько любимиц-подруг и наперсниц, которым она могла доверить свои самые интимные проблемы и переживания: Анна Никитична Нарышкина, Анна Степановна Протасова и Марья Саввишна Перекусихина. Однако были и такие фаворитки, которым она доверяла не свои интимные переживания, а дела государственного значения, и звали их Екатерина Романовна Дашкова и Александра Васильевна Браницкая. При дворе их не называли фаворитками, но это были именно фаворитки: по своему положению они составляли самое близкое окружение Екатерины II. Первым, любимицам-наперсницам, помимо интимных проблем, относящихся к екатерининским фаворитам, доверялись также и дела, касающиеся карьерного продвижения придворных чинов и разного рода просителей, что приносило им неплохой доход. Кроме того, они получали от императрицы разные льготы, преимущества и вспомоществования в виде погашения долгов, денег на покупку или ремонт дома и на другие нужды. Получали денежную помощь и их родственники (на свадьбу, крестины, приобретение жилья и др.), а также и те, за кого просила императрицу фаворитка.

Как уже было сказано, среди наперсниц-подруг Екатерины II самыми доверенными были: Анна Никитична Нарыш-

кина (1730–1820), Анна Степановна Протасова (1745–1826) и Марья Саввишна Перекусихина (1739–1824). Начнём с последней.

Марья Саввишна Перекусихина (1739–1824) была физически самым близким и потому доверенным лицом Екатерины II. Она служила сначала в звании камер-юнгферы при комнатах императрицы, отвечала, как мамка при дитяти, за её одевание утром и укладывание спать вечером, за введение в покои императрицы фаворитов, за самые интимные естественные процедуры. До конца жизни Екатерины II она была предана и верна ей, а после её смерти никогда никому не открывала тайн своей бывшей повелительницы.

Известно, что она была дворянкой из очень небогатой семьи, имевшей небольшое поместье в Рязанской губернии. Но точно неизвестно, каким образом она попала во дворец, в покои самой императрицы. По слухам, она получила должность камер-юнгферы по рекомендации Григория Потёмкина, бывшего тогда фаворитом Екатерины II. Потёмкин стал фаворитом Екатерины II в 1774 году и оставался им как любовник (а по одной из версий, супруг) до 1776 года. Следуя слухам, можно сказать, что именно в этот период Марья Саввишна и появилась во дворце. В то время ей должно было быть 35 лет, что само по себе было уже поздновато для приёма во дворец на должность камер-юнгферы. Однако есть известия, более похожие на правду, что в 60-е годы Екатери-

на крестила племянницу Марии Саввишны – Екатерину. А это означает, что фаворитом тогда был действительно Григорий, но не Потёмкин, а Орлов, так что протекцию ей, по-видимому, составили Орловы. В 60-е годы Марье Саввишне было 25–26 лет. Она была моложе Екатерины II на 10 лет. Не исключено, что она появилась в покоях не императрицы, а великой княгини Екатерины Алексеевны и не в 60-е, а в 50-е годы XVIII века, когда она была ещё юной девушкой.

«Саввишна», как её называла государыня, все эти годы оставалась при императрице, она имела только ей одной предоставленное, то есть, выражаясь современным языком, «эксклюзивное право» являться в спальню императрицы по первому звонку, ухаживать за ней в интимных делах, помогать ей одеваться, причёсывать её. С течением времени эту работу стали выполнять другие, но Саввишна всегда присутствовала в качестве распорядительницы во время туалета, одевания, причёсывания государыни, во время утренних аудиенций.

Комнаты Марьи Саввишны располагались в непосредственной близости от покоев Екатерины II, так что пришедшие на аудиенцию высокопоставленные лица ожидали своей очереди в комнате Марьи Саввишны, а это были: воспитатель великого князя Н.И. Панин, знаменитый поэт и статс-секретарь Г.Р. Державин, президент Российской академии наук Е.Р. Дашкова, статс-секретарь А.В. Храповицкий, обер-прокурор Священного Синода Н.А. Протасов, за-

служенные генералы и адмиралы. Все они понимали, какое важное значение для их дел имело слово Перекусихиной, сказанное императрице, и Саввишна постоянно принимала дары от посетителей столь высокого ранга.

Екатерина II полностью доверяла своей Саввишне и свои личные, в том числе любовные, дела, советовалась с ней по житейским вопросам, узнавала её мнение относительно того или иного придворного вельможи или кандидата в фавориты.

Из камер-юнгферы она перевела Перекусихину в камер-фрейлины, но эти изменения на положении «Саввишны» при дворе почти никак не отразились: она продолжала оставаться при комнатах государыни, верно ей служа и исполняя всё те же обязанности. Помимо комнатных дел, Перекусихина сопровождала свою госпожу во время её ежедневных прогулок, в паломнических поездках, дальних путешествиях, всегда находясь рядом, готовая в любую минуту дня и ночи прийти ей на помощь.

Марья Саввишна была простой, малообразованной, но очень умной женщиной, на редкость душевной и преданной. Она любила свою покровительницу, свою государыню, свою госпожу самозабвенно, полностью посвятив ей свою жизнь и оставшись старой девой. Однажды Екатерина подарила Саввишне дорогое кольцо со своим портретом и при этом сказала как бы в шутку: «Вот тебе и жених, которому, я уверена, ты никогда не изменишь». И с тех пор стала называть себя

её женихом. И действительно, этому «жениху» Перекусихина никогда не изменила, даже после его смерти.

В XIX веке о Екатерине II было опубликовано много всяких анекдотов, характеризующих её как мудрую правительницу Российской империи, как доброго человека, умного и справедливого, отличавшегося простотой общения не только с близкими, но и чужими ей людьми. В некоторых анекдотах упоминалась и Марья Саввишна Перекусихина. Приведём один из них: «Однажды Екатерина сидела в царско-сельском саду на скамейке вместе с любимой камер-юнгфрой своей М.С. Перекусихиной. Проходивший мимо петербургский франт, не узнав императрицу, взглянул на неё довольно нахально, не снял шляпы и, насвистывая, продолжал прогулку.

– Знаешь ли, – сказала государыня, – как мне досадно на этого шалуна? Я в состоянии остановить его и намылить ему голову.

– Ведь он не узнал вас, матушка, – возразила Перекусихина.

– Да я не об этом говорю: конечно, не узнал; но мы с тобой одеты порядочно, еще и с галунчиком, щеголевато, так он обязан был иметь к нам, как дамам, уважение. Впрочем, – прибавила Екатерина, рассмеявшись, – надо сказать правду, устарели мы с тобою, Марья Саввишна, а когда бы были помоложе, поклонился бы он и нам» (Черты Екатерины Великой. СПб., 1819).

Для себя лично Марья Саввишна никогда ничего у Екатерины не просила, вполне довольная своим положением, но своих родных не забывала. Её родной брат, Василий Саввич Перекусихин, по её просьбе стал сенатором, а её племянница Е.В. Торсукова и её муж получили место при дворе и очень разбогатели.

5 ноября 1796 года, когда с Екатериной случился удар, Саввишна первая обнаружила её в туалетной комнате лежащей без сознания и первая после шока взяла себя в руки и стала умолять растерявшегося Зубова пустить ей кровь, как это случалось раньше. Возможно, этим удалось хотя бы на время спасти жизнь императрице. Но Зубов пустить кровь без доктора Роджерса, в то время куда-то отъехавшего, не разрешил. Когда же через час приехал доктор Роджерс и хотел пустить кровь императрице, было уже поздно: кровь не пошла.

Павел I, не любивший всех, кто верно служил Екатерине, в том числе и Марью Саввишну, взяв бразды правления в свои руки, первым делом уволил Перекусихину от двора. Однако, желая показать себя честным и справедливым, назначил ей от Кабинета Его Величества хорошую пенсию в размере 1200 рублей в год, пожаловал ей в Рязанской губернии 4517 десятин земли, а в Петербурге дом, выкупленный казной у банкира Сутерланда.

После смерти своей любимой государыни Марья Саввишна прожила еще 28 лет. Она умерла в Санкт-Петербурге 8

августа 1824 года на 85-м году жизни и была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Такой же беззаветно преданной фавориткой Екатерины II была Анна Степановна Протасова (1745–1826), дочь Степана Фёдоровича Протасова, с 1763 года ставшего сенатором, и его второй жены Анисии Никитичны Орловой, двоюродной племянницы братьев Орловых.

Екатерина II зачислила 17-летнюю дворянку Протасову в придворный штат в качестве фрейлины Высочайшего двора по рекомендации своего фаворита Григория Орлова. По-видимому, это случилось в 1763 году, когда по предстательству того же Григория Орлова, её отец Степан Фёдорович Протасов стал тайным советником и сенатором.

Анна Протасова так же, как и Марья Саввишна Перекусихина, всю свою жизнь посвятила государыне императрице, оставшись старой девой. Она была некрасива, даже дурна собою, да к тому же небогата. Она считалась девицей до конца своих дней, хотя придворные и большого, и малого дворов хорошо знали о её реальном участии в обследовании кандидатов в фавориты со стороны их мужской пригодности.

Были случаи, когда за ней начинали ухаживать придворные кавалеры, но, к сожалению, быстро обнаруживалось, что целью этого ухаживания было заручиться её поддержкой при дворе и воспользоваться её близостью к императрице. Анна Степановна была на 16 лет моложе Екатерины II, но её внеш-

няя непригожесть только оттеняла прелести императрицы.

В 1784 году, когда возраст Протасовой приблизился к 40 годам, Екатерина пожаловала её в камер-фрейлины Высочайшего двора с «богатым портретом» императрицы, то есть с обильно осыпанным бриллиантами портретом, которым Протасова очень гордилась. Облик Анны Степановны дошел до наших дней: по заказу императрицы французский художник Жан Луи Вуаль написал портрет Анны Степановны Протасовой, изобразив её, видимо, несколько приукрашенной, но главное – с этим «богатым портретом», приколотым к платью на голубом муаровом банте с левой стороны груди, у плеча.

Как камер-фрейлина Высочайшего двора, Протасова обрела право следить за поведением фрейлин, давать им поручения, распоряжаться целым штатом камер-пажей. Она стала получать более высокое жалованье, жить в более удобных апартаментах, расположенных вблизи покоев императрицы, пользоваться столом «с государыниной кухни», почти каждый день на «вызолоченном сервизе» обедать с императрицей, иногда прислуживать ей в спальне.

Как фаворитка Екатерины II, Анна Протасова имела большой вес при дворе: перед ней заискивали, у неё искали поддержки, но её и боялись. Однако чаще всего к ней обращались за поддержкой, особенно ее родственники, даже находящиеся в дальнем родстве. Так, например, существовал такой исторический анекдот:

«До воцарения Павла Анненский орден, учрежденный зятем Петра Великого, герцогом голштинским Фридрихом-Карлом, не считался в числе русских. Хотя Павел Петрович, в бытность свою великим князем, и подписывал в качестве герцога голштинского все грамоты на пожалование Анненским орденом, но последний давался только тем лицам, кому назначала императрица Екатерина II. Великому князю очень хотелось, чтоб некоторые из его приближенных носили Анненский крест, однако императрица именно им-то и не давала этот орден.

Наконец, великий князь придумал следующую хитрость. Заказав два небольших Анненских крестика с винтами, он призвал к себе двух любимцев своих, Ростопчина и Свечина, и сказал им:

– Жалую вас обоих Анненскими кавалерами; возьмите эти кресты и привинтите их к шпагам, только на заднюю чашку, чтоб не видала императрица.

Свечин привинтил крест с величайшим страхом, а Ростопчин счел более благоразумным предупредить об этом родственницу свою, Анну Степановну Протасову, пользовавшуюся особенным расположением императрицы.

Протасова обещала ему поговорить с Екатериной и узнать ее мнение. Действительно, выбрав удобную минуту, когда государыня была в веселом настроении духа, она сообщила ей о хитрости наследника и сказала, что Ростопчин опасается носить орден и вместе с тем боится оскорбить великого кня-

зя.

Екатерина рассмеялась и промолвила:

– Ах он, горе-богатырь! И этого-то лучше не выдумал! Скажи Ростопчину, чтоб он носил свой орден и не боялся: я не буду замечать.

После такого ответа Ростопчин смело привинтил Анненский крест не к задней, а к передней чашке шпаги и явился во дворец.

Великий князь, заметив это, подошел к нему со словами:

– Что ты делаешь? Я велел привинтить к задней чашке, а ты привинтил к передней. Императрица увидит!

– Милость вашего высочества так мне драгоценна, – отвечал Ростопчин, – что я не хочу скрывать ее.

– Да ты себя погубишь!

– Готов погубить себя; но докажу этим преданность вашему высочеству.

Великий князь, пораженный таким очевидным доказательством преданности Ростопчина, обнял его со слезами на глазах.

Вот происхождение ордена Св. Анны четвертой степени» (*М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869*).

Анна Протасова никогда не предавала свою покровительницу и повелительницу, во все неприятные минуты жизни императрицы Анна Степановна всегда была рядом, она умела терпеливо выслушать Екатерину, утешить её, уговорить,

хотя успокоить упрямую и настойчивую императрицу бывало ох как нелегко.

Была Анна Степановна рядом со своей благотворительницей и 5 ноября 1796 года, когда у Екатерины случился удар. Протасова в течение суток не отходила от её постели, она присутствовала и при агонии, и при последнем вздохе Екатерины Великой.

Придя к власти, Павел I не отлучил Анну Степановну Протасову от двора. За ней сохранился её придворный статус камер-фрейлины, остались за ней и дворцовые покои, и дворцовая кухня. Такое к ней отношение Павла объяснялось тем, что Анна Степановна через замужество своей племянницы стала родственницей любимца государя графа Ф.В. Ростопчина, ставшего во время Отечественной войны 1812 года генерал-губернатором Москвы. Мало того, император Павел наградил её орденом Св. Екатерины меньшего креста, а с ним, как положено, и званием «кавалерственной дамы», назначил ей хорошую пенсию с пожалованием 100 душ крестьян в Воронежской и Петербургской губерниях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.